

РАЗМЫШЛЕНИЯ У КНИЖНОЙ ПОЛКИ

Министр культуры республики, депутат Верховного Совета Грузинской ССР, член ЦК Компартии Грузии, Отар Васильевич Тактакишвили — неперенный участник множества общественных комиссий и организаций, активно работающий композитор. К тому же много выступающий как дирижер и пианист... Список его должностей, нагрузок и занятий можно, кажется, продолжать до бесконечности. Поэтому, отложив заранее заготовленные вопросы, я искренне заинтересовался:

— Когда же вы успеваете читать?

На столе в углу министерского кабинета высятся горы книг, на корешках которых глаза отмечает названия желанных и недоступных новинок. Не ждет же их судьба переключаться на полки книжного шкафа, так и оставшись непрочитанными!

— Вы знаете, к сожалению, на чтение действительно остается все меньше времени. Я с детства приучен к книге — были военные годы, тяжелая

жизнь, пришлось экстерном сдавать курс средней школы, потом авиационный техникум. Тогда же начались серьезные занятия музыкой. И все же для чтения время находилось, и, кажется, больше, чем сейчас. Не назову это любовью к книге, увлечением. Нет, это потребность, необходимость. Поэтому сейчас я очень скучаю по тем временам, когда мог выбрать книгу и найти для нее время «по собственному желанию».

О. ТАКТАКИШВИЛИ

МУЗЫКА НАШИХ ДНЕЙ

В дальнейшем стало ясно, что Отар Васильевич прекрасно разбирается в современных литературных делах, в курсе последних публикаций и событий в нашей литературе. И все же он скучает по книге...
— Какова, на ваш взгляд, структура вашего чтения, что вам приходится читать, так сказать, по служебной обязанности, что связано с творческой работой, а что читаете для души?

— Конечно, стараюсь следить за всем важным и интересным в современной грузинской и всей советской и мировой литературе. С годами все труднее становится разделить свое отношение к чтению, к книге на «обязательную» и «произвольную» программу. Что и говорить, по работе мне каждый день приходится иметь дело с пьесами, романами, стихами. В данном случае я имею в виду работу в Министерстве культуры. Но не думаю, что это можно назвать только служебными отношениями.

Вот, к примеру, поставленные в театре спектакли по произведениям Нодара Думбадзе. Вы знаете, большинство из них выходило на сцену не без сложностей, требовало нашего вмешательства или участия.

Но Нодар Думбадзе для меня в то же время писатель, каждое новое произведение которого вызывает личный интерес.

— А ваше мнение о нем, как композитора?

— Творческая работа во многом подсознательна, не поддается анализу, и заранее что-либо сказать нельзя. Хотя тот раздольный, многоцветный и многозвучный мир гурийской деревни, который живет в его вещах, очень близок мне. Меня давно привлекает музыкальный фольклор Гурии, Мегрелии, Абхазии, Сванетии, он постоянно живет во мне, отражается в написанном. Однако, при постоянном интересе к творчеству Нодара Думбадзе, должен сказать, что наибольшее удовольствие и радость доставляют его рассказы.

жигатель? В нем в острой, конденсированной форме содержится материал на целый роман.

— В нашем разговоре вы в основном оперируете прозаическим материалом...

— Просто к слову пришлось. Если бы понадобилось перечислить книги, к которым я постоянно возвращаюсь, книги, которые всегда со мной, я бы, конечно, прежде всего назвал Шота Руставели, Николозо Бараташвили, Важа Пшавела. Из тех, с кем посчастливилось встречаться, сотрудничать, дружить, — Г. Табидзе, Г. Леонидзе, С. Чиковани, И. Абашидзе. Ко всем ним я обращался в своем творчестве прямо или опосредованно, как, скажем, в случае с Ильей Чавчавадзе и Акакием Церетели.

Далее в разговоре прозвучали имена М. Лебанидзе, А. Каландадзе, М. Мачавариани, Ш. Нишнианидзе, Д. Чарквиани.

— Есть у меня заветный замысел, — говорит Отар Васильевич, — создать музыкальную историю древнего пещерного города-храма Вардзии от его расцвета и могущества до падения и разрухи в результате измены. Мечтал, чтобы стихи к этому произведению написала А. Каландадзе — она бы смогла... Но пока нет стихов — нет и музыки. Для меня слово всегда первооснова музыки, ее исходный строительный материал.

— Замысел, о котором вы рассказали, напомнил ваше недавнее сочинение, посвященное 1500-летию первого письменного памятника грузинской литературы «Мученичество Шушаники» Якова Цуртавели. Обратившись к этому материалу, вы тем самым сказали, что считаете его актуальным и ныне...

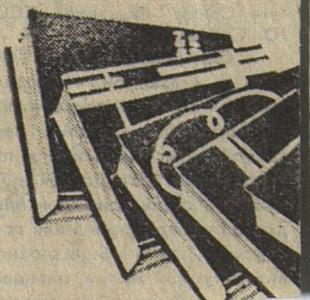
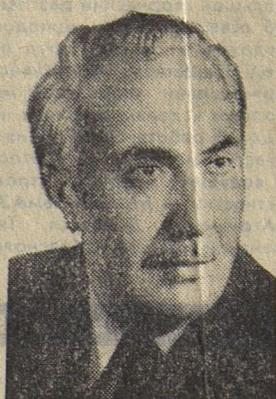
— Этот цикл, в котором, кстати говоря, использованы и народные тексты, и стихи, и проза, дорог мне идеей верности своим убеждениям, верности родине. Носительницей этих идей предстала героиня, женщина, воплотившая в себе стойкость и выдержку, ставшая опорой семье, обществу, государству.

— Помимо стихов, вы сказали, в основу музыки лег и прозаический текст. Интересно узнать о вашем специфическом восприятии его при чтении.

— Эта традиция восходит к Мусоргскому, Прокофьеву, Шостаковичу... Но вас интересует не музыкальный, а литературный аспект, не так ли?

— Вернее, даже читательский. Возьмем для примера одну из известных ваших работ — оперу по роману И. Гамсахурдиа «Похищение луны».

О. ТАКТАКИШВИЛИ: «...пока нет стихов — нет и музыки. Для меня слово всегда первооснова музыки, ее исходный строительный материал».

— Он давно занимал мое воображение. В свое время я написал музыку к инсценировке «Хогайс Миндиа». Но этого было недостаточно. В романе меня привлекала романтическая атмосфера Западной Грузии, где происходит действие. Масштабность и сила характеров, драматизм социальных конфликтов, происходящих на фоне патриархально-рыцарских обычаев этого края. С другой стороны, увлечение романом как-то невольно переплелось с увлечением миром грузинских народных песен, о чем я уже говорил. Я попросил написать стихи для некоторых арий оперы Шота Нишнианидзе, в основном же целиком доверился стихии прозы, которая оказалась очень музыкальной.

— Вы говорили об усилившемся драматизме социального конфликта.

— Да, это новый момент, и не только в нашей музыке, но в советской литературе и искусстве. Величайшими социологами своего общества справедливо считаются, скажем, Бальзак и Золя. Но насколько шире и мощнее историко-социальный масштаб конфликтов в «Тихом Доне» Шолохова! Никогда так обнаженно не сталкивались в единоборстве социальные, классовые силы. Или его же «Жеребенок» — рассказ, по силе не уступающий трагедии.

Для меня среди современных произведений, посвященных этической и нравственной проблематике, наиболее интересными являются произведения Ф. Абрамова, В. Астафьева, В. Распутина, В. Белова, белоруса В. Быкова, киргиза Ч. Айтматова.

Раз мы заговорили об этих писателях, не могу не сказать о своем восхищении такими женскими образами, как распутинская Настена или абрамовская Лизонька, как образ-символ в «Царь-рыбе» Астафьева.

— Мне кажется, в вашем интересе к женскому образу можно проследить некую линию, идущую от Шушаники к тем нашим современницам, которые несут в своих душах этическую стойкость народа.

— Здесь позвольте мне рассказать о личном опыте — работе над оперой по повести Чингиза Айтматова «Джамиля». Начиная с «Первого учителя», проза Айтматова заставляла для меня ярким, чистым огнем, открывая совершенно новый мир, сильные национальные характеры, стремление к свободе, избавлению от старых закоснелых обычаев. Может быть, я субъективен, но закон-

кий образ Джамилы для меня воплощает все это наиболее полно и поэтично. Она как бы противостоит тяжелому, суровому военному времени, составляя интереснейший дуэт со сдержанным, замкнутым в себе Данияром. Для меня это произведение о людях, в которых кричит война.

— Эта метафора из «Джамилы»?

— Буквально таких слов в тексте нет. Они появились в стихах, написанных для будущей оперы русским поэтом В. Коркиным. На мой взгляд, эти стихи не только хороши сами по себе, но очень созвучны прозе Чингиза.

— Повесть создана киргизским прозаиком. Стихи — русским поэтом, музыка — грузинским композитором...

— Для меня никакого вопроса в этом нет. Чингиз, когда мы с ним работали, сказал: пиши так, как ты всегда пишешь. Конечно, опера будет грузинской. И я теперь подступаю к работе над музыкальной. Много думаю над текстом, предвижу немало трудностей. Хотя это не первое мое обращение к русской поэзии: есть у меня романсы на стихи Пушкина, симфоническая поэма «Мцыри». И вообще не представляю себя без стихов Блока, Есенина, Маяковского. Очевидно, надо искать какой-то новый язык. А это трудно и, скажем так, небезопасно. Вы ведь знаете, как много споров вызвало смелое обращение Астафьева или Белова к народным речениям, которые кое-кому показались несовместимыми с литературным языком. Впрочем, это обычная болезнь академизма. Так же упрекали в свое время и Пушкина.

— Получилось так, что наш разговор все же свернул к вашим специфическим интересам музыканта в литературе. Впрочем, это и интересно. А что вы просто читаете?

— Если помните, у Резо Габриадзе есть давний рассказ «Первая любовь». По нему Эльдар Шенгелая поставил интересный фильм «Чудаки». Мне очень понравился этот рассказ, я его читаю и перечитываю. Для чего? Пишу сейчас оперу по нему. Впрочем, это опять о моем профессиональном...

Беседу вел Э. ЕЛИГУЛАШВИЛИ